

КИЛИМАНДЖАРО НА ГУБАХ ТВОИХ

драматическая комедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Д а ш а - актриса

М и т я - бизнесмен, бывший режиссер

Л я л я - очаровательная девушка

К и л я - очаровательный студент

Москва, наши дни.

Действие происходит в квартире у Даши.

М и т я. О, Париж! О, Ницца, Пиренеи, Альпы, Страсбург и Бурже! Какие там замки! Аркашон, Атлантика, самые высокие дюны в Европе - северная Ницца. За месяц пролетело все мгновенно. На следующий год еду отдыхать во Францию на все лето.

Д а ш а. А я?

М и т я. Возьмем и тебя. И в этом году я тебе предлагал. Ты же сама отказалась.

Д а ш а. Ты ездил не один.

М и т я. Роскошная девчужка. Даже чересчур. Да она была не против нашей любви втроем безумной.

Д а ш а. У тебя завелись деньги - ты стал очень простым.

М и т я. Все хорошо. Я тебя люблю. Подыши французским кислородом. *(Дает ей коробочку с духами.)*

Д а ш а. Шанель пять? У нас тоже теперь продается.

М и т я. Это все же из Парижа. Я приехал к тебе в трагедию? Господи. Все же так весело кругом, Дашенька. Не жизнь, а карусель, ты моя хорошая.

Д а ш а. Хорошая, но не твоя.

М и т я. Он кто твой новый?

Д а ш а. Иисус Христос без денег.

М и т я. Большая чистая и не продажная любовь?

Д а ш а. Без твоих любимых денег.

М и т я. Мусор. У тебя тоже есть любимые деньги.

Д а ш а. Ты мне даешь. Спасибо. Актерам сейчас мало платят в театре.

М и т я. Поэтому я и послал этот театр к разлюбленным феням! Прости. Сейчас я вкалываю и получаю. Я, как проклятый вкалываю, но зато и получаю. Ну, дорогая, мне надо расслабляться - иначе я просто сдохну. Ты в театре служить продолжаешь. Для тебя это религия действительно святая по всей твоей судьбе. Для меня тоже. Но жрать же что-то надо и больше захотелось, когда вокруг столько понаделали шикарнейшей жратвы от мерсов до коттеджей. Я рад, что могу помочь тебе деньгами, чтоб ты не бросала это свое священнодействие в Театре Храме. Я благодарен тебе, что ты берешь у меня эти деньги.

Д а ш а. Зачем так грустно, меркантильно, сударь. Оголите же быстрее мою талию. То, что выше талии. И ниже. Скользите же смелей по черным шелковым чулкам. Можете руками, можете губами, можете и языком, можете и... Как вы мне осточертели. Это скольжение, это слияние, эта шлаковая слизь, эти вздохи-ахи счастья занебесного. А к утру мне хочется тебя прирезать просто.

М и т я. Долго рядом мы себя сожжем.

Д а ш а. Но через два дня все повторяется сначала. Ты звонишь по телефону, признаешься в любви. Столько лжи, чтобы просто сдавить тела в экстазе этом плотоядном. Естественно? Ну, пожалуйста, сударь - поласкайте там меня язычком. Там такая эrogenная концентрация любви. Еще!!! Еще!!! И сад цветов в раю я лицезрею закрытыми очами. Я признаюсь тебе в любви, секс без любви!!! Еще!!! Еще!!! Еще!!! (Плачет.) А, вы просто устали. Сейчас вы можете минетно только так. А вам бы так хотелось безумнейшей любви. Мне тоже. Но мы люди с уложенными проложенными змеиными извилинами. О, да. Безумия любви у нас не повторится... Аборт себе я сделала сама...

М и т я. Ну, осень была тогда еще очень тоскливой. Без конца шел дождь! Жить не хотелось.

Д а ш а. А после аборта - я, вот не рожаю.

М и т я. Прости. Прошло столько времени.

Д а ш а. Тогда у тебя не было денег, чтобы прокормить еще два ротика. И я была слабой - поэтической душой-натурой. Что мы делаем на свете? Дышим и мечтаем. Человечье бытие - лишь только тени из других людей, из их машин и костылей, могил и лошадей, собак, сортиров, трясогузок... И после смерти вечно будешь ты вдыхать там под землей свой спертый воздух ядовитый, гробовой.

М и т я. У тебя веселое настроение, золушка блаженная моя. Театр - это что-то... Предал. Жизнь. Но вишневую косточку всегда ношу с собой - наш талисман.

Д а ш а. Ты невыносимо живешь прошлым, Митя. И никак не можешь понять, что от вишневого сада не осталось ни одной вишневой косточки.

М и т я. Я тебя хочу - мою вишенку.

Д а ш а. Как режиссер прикажет - так актриса сделает. Режиссер, как власть. Власть, как режиссер.

М и т я. Сексуально. Повтори.

Д а ш а. Я повторяю. Режиссеры - за очень редким, потрясающим исключением - это такая промежуток-пролежность, паразитирующая на чужих текстах и актерской гениальности. Это такая вечно падающая, но в то же время каким-то непонятным макаром тут же, как ошпаренная, вскакивающая и трахающая в зверином экстазе все живое в театре и жизни - сопливая, маньячная, негодная пиписька.

М и т я. Ну, ты растешь - просто гениально.

Д а ш а. И ты молодец - всё правильно делаешь.

М и т я. Что именно?

Д а ш а. Живешь, как все мужчины - вероломным режиссером.

М и т я. Ты живешь, как все женщины – сердечной и страдающей актрисой.

Д а ш а. Актрисочкой на сексуальных побегушечках. Гордое, нищее, гениальное, библейское русское искусство. Вечная тебе слава. Спаси и помилуй.

М и т я. Даш, надо просто спокойно и позитивно жить и все - элементарно. Ходить в лес, собирать землянику! Грибы! Чернику! И быть режиссером только одного своего естественного, природного счастья. Бог ты мой. Как все просто, когда продуманно подумаешь. Как действительно важно слушать и услышать искреннюю, добрую и любимую женщину. А мы насилуем этих добрых, искренних женщин - мы их растлеваем и превращаем в невыносимых забойных шлюх. И это нам нравится. А потом их за это упрекаем, казним. И это нам еще больше нравится. Боже мой - что творится на этом свете, господи!

Д а ш а. Хулиган. И не надуманный.

М и т я. Она любила хулигана. И не зря.

Д а ш а. Убийцу любила она.

М и т я. Еще бы. Что?

Д а ш а. Самое классное сейчас - быть убийцей - киллером. Какое красивое модное слово. Платят на отрыв.

М и т я. Это точно.

Д а ш а. Чем и занимаешься?

М и т я. Конечно.

Д а ш а. Ты киллер?

М и т я. Если тебе это доставляет удовольствие.

Д а ш а. Ты никогда не задумывался, что киллер может стать жертвой другого киллера, когда нахлопает уже порядочно и будет очень много знать.

М и т я. Пока еще не думал я об этом.

Д а ш а. А сколько ты всего нахлопал-то?

М и т я. Что?

Д а ш а. Ты мне никогда не говорил, сколько ты всего нахлопал, киллер.

М и т я. Ты пьесу со мной какую-то репетируешь? Я вообще несколько не нахлопал. Я тебя не понимаю. Ты смешная. У меня нет текста этой пьесы, Дашенька.

Д а ш а. Что ты выкручиваешься?! Что ты лжешь, как червь смердящий?!

М и т я. Что-о?!

Д а ш а. Признайся мирно, сколько ты всего нахлопал, киллер?

М и т я. Тормози.

Д а ш а. Торможу. Заглохли.

М и т я. Тебе надо показаться психиатру?

Д а ш а. Я уже была у психиатра.

М и т я. И что сказал тебе мистический сей доктор?

Д а ш а. Мистический сей доктор мне сказал, что я здорова абсолютно.

М и т я. Честный Чехов доктор.

Д а ш а. Вот и я хочу, чтобы ты мне, честный Чехов доктор, откровенно, искренне признался: сколько по счету человек ты нахлопал своим пистолетом с глушителем.

М и т я. Не понял.

Д а ш а. Не понял?

М и т я. Не понял. Но я здоров и хочу понять твою женскую фантазию!

Д а ш а. Повторить простой вопрос для косящего под идиота нищего миллионера?

М и т я. Ты мне надоела. Какой вопрос?

Д а ш а. Повторяю. Я хочу, чтобы мне ты - здоровый мужской человек честно сказал, сколько по счету других здоровых, а не мертвых, естественно, разных там

разнополых презренных людишек, он, то есть ты, нахлопал этим своим пистолетом с глушителем.

М и т я. Даш - у меня нет никакого пистолета - тем более, с глушителем. Я миллионер – небольшой, но долларовый, и представь - хожу без пистолета и без охраны. Охрана только внимание привлекает. Ты в своем уме?

Д а ш а. Личный пистолет не помешает.

М и т я. Захотят убить - убьют и с личным пистолетом. Привести примеры?

Д а ш а. Примеров не надо. Это что? *(Достает из стола пистолет с глушителем.)*

М и т я. Это пистолет. С глушителем.

Д а ш а. Узнал?

М и т я. Это не мой.

Д а ш а. А чей?

М и т я. Откуда я знаю. Как он к тебе попал?

Д а ш а. Из тумбочки.

М и т я. Из какой тумбочки?

Д а ш а. Из твоей тумбочки. Где твои носки и трусики. Я там нашла эту игрушку.

М и т я. Надо осторожно обращаться с этой игрушкой.

Д а ш а. Естественно. Я не сумасшедшая.

М и т я. Где ты его взяла?

Д а ш а. И вновь объясняю здоровому мужскому человеку - этот пистолет с глушителем я нашла в твоей тумбочке с носками и трусами.

М и т я. Я тебя люблю, я у тебя храню почти всю одежду, а не там - у нее. У нас с тобой и сейчас все, как раньше. Я с ней вместе и в магазины не хожу за покупками. Потому что это было бы предательством к тебе. Потому что вместо нее в магазине тебя вижу. С ума просто схожу. У меня небольшой бзик на этом, но это так. Потому что я тебя люблю ужасно. Потом, у меня и времени, естественно, нет ходить по магазинам. Потом, у нее масса свободного времени - она молодая, здоровая. Я ей даю деньги, в конце-концов. Я ее не эксплуатирую. Я ее имею, но по любви - я не садист. Она меня тоже любит, эта девочка. Но я тебя люблю не меньше. Если не больше. Естественно, больше. Я у тебя храню свои носки с трусами – повторяю, в конце концов. Господи. В тумбочке.

Д а ш а. Так откуда в этой тумбочке, повторяю, взялся этот твой пистолет с глушителем?

М и т я. Ты, шутишь?

Д а ш а. Я часто шучу о серьезных вещах?

М и т я. Однако, я люблю тебя за мягкий юмор.

Д а ш а. Но эти твои серьезные шуточки с пистолетиками в тумбочке - для меня не шуточки.

М и т я. Это не моя шуточка, Дашечка.

Д а ш а. Сюда ко мне, кроме тебя никто не ходит, Митичка. В твоей тумбочке с носками пистолетик твой.

М и т я. В моей тумбочке с носками...

Д а ш а. И трусиками.

М и т я. И трусиками... там никогда не было этого МОЕГО пистолетика.

Д а ш а. С глушителем.

М и т я. С глушителем.

Д а ш а. Потому что этот твой пистолетик, Митенька, был раньше в другом месте - вот и все.

М и т я. Не-ет, Дашенька.

Д а ш а. Да-а, Митенька.

М и т я. В каком это другом месте был этот мой, так называемый, пистолетик, Дашенька?

Д а ш а. Тебе об этом лучше известно, киллереночек Митенька.

М и т я. Кто тебе сказал, что это мой пистолет? И откуда он у тебя взялся?

Д а ш а. Я его нашла в твоей тумбочке с носками и трусиками. И ты сам только что подтвердил, что это твой пистолетик с глушителем, Митенька! Это не смешно, в конце-концов.

М и т я. Я все это подтвердил иронически!!! Ты что – с луны упала - так тупа или не того - не понимаешь, когда я произношу кое-какие слова иронически? Ты, вроде бы актриса - профи. Или ты кто такая? Ты уже не актриса? Ты кто такая, девочка? Ты что, спятила? Или я спятил после Франции. Мы где?

Д а ш а. В России.

М и т я. А ты, кто?

Д а ш а. Я - Даша - вставочка бабочка киллера.

М и т я. Ты, Даша - вставочка бабочка киллера? Не фига себе заявочки. А я тогда, кто?

Д а ш а. Ты, Митя - киллер, садист. А я твоя вставочка чудовая бабочка - Даша. В прошлом.

М и т я. Что? Чума.

Д а ш а. На оба наших дома, садист.

М и т я. Да, блин, Киллер не садист. Он просто убивает и абздец - все - человек не мучается больше.

Д а ш а. Но я-то, видишь - мучаюсь почему-то. Очень сильно, киллер, блин.

М и т я. Кто киллер, блин?!!!

Д а ш а. Ты.

М и т я. Что?!!! (*Наносит ей пощечину.*) Прости, пожалуйста, Даша.

Д а ш а. Галантный киллер-хилер – не садист. Джентельмен хранцузский из хамовников!

М и т я. Какой уж есть я этот хэ.

Д а ш а. Хранцузик из Бордо. Не забыл ты плетку, к женщине идя.

М и т я. Фридрих Ницше прав был абсолютно.

Д а ш а. Абсолютно прав товарищ маузер один. С глушителем. Чтоб тихо так – интимно - свинечно и навечно засадить в Аид. (*Целует пистолет.*)

М и т я. Где ты его взяла, если честно? Без фокусов?

Д а ш а. Подобрала на улице.

М и т я. На какой улице?

Д а ш а. Возле Измайловского парка. Неделю назад. Я там шла - гуляла. Вечерком. Впереди меня шел человек. Потом он - хлоп - упал. На асфальт. А человек, который в двадцати метрах шел сзади нас... вру - в тридцати метрах. Там же еще столб электрический - несколько столбов. Между электрическими столбами стандартное же расстояние?

М и т я. Конечно.

Д а ш а. Вот. Человек, который шел за нами, стрелял с тридцати метров. А когда он стал убежать после едва-едва слышного выстрела-хлопка - пистолет-то у него был с глушителем. Так вот - когда тот человек стал убежать - у него из кармана, - или, я не знаю откуда, на асфальт что-то выпало железное - было ясно по звуку. Но он не стал подбирать, а побежал во всю прыть - наутек. Потом сел в какой-то мерседес, как у тебя, - и с концами.

М и т я. Seriously?

Д а ш а. Серьезней не бывает. Я тут же подошла к человеку, который упал - у него был вырван глаз - с ключьями: кровью и мозгами - все там было. Ужас! На затылке была маленькая дырочка от пули. Ха, я тут же допетрила, что убежавший был киллером и выбросил пистолет - избавился от вещественного доказательства. Я подошла, подняла эту грохнувшуюся с железным грохотом железную железку, и это, действительно, оказался этот пистолет с глушителем. Потом я подскочила там поблизости к телефонному автомату и вызвала милицию и скорую помощь. А сама, естественно, испарилась с места кровавой разборки. Но взяла этот пистолетик с глушителем с асфальта. И, естественно, не голыми руками, а с помощью целлофанового пакетика. И положила пистолетик в сумочку.

М и т я. О-ля-ля! Кошмар! Так ходишь по земле наивный и счастливый... Точно, не гонишь – это всё серьёзно?

Д а ш а. Да я чуть с ума не... скантропопилась!!! Гонишь... Ты давно загнал свою лошадку. Всю неделю эту по улице ходить боялась. Убили этого несчастного, а ведь в меня, наверно, сто процентов этим кольцом вашим суперменским вещим целились, да и промахнулись. Или обознались? Может ты расскажешь. Я не знаю. Я за собой никаких долгов не держу, но все знают, что у тебя есть еще и я.

М и т я. Клинический ужас – реальная стрелка-разборка пацанская. Ну, если хочешь - я тебе сделаю право на ношение оружия. Научу стрелять. Конкретно. Но это не поможет, если что.

Д а ш а. А что поможет, если что, бобочка конкретик?

М и т я. Ладно. Надо переехать, сменить работу - чтоб никто не мог тебя территориально вычислить.

Д а ш а. Целая история.

М и т я. И когда это случилось?

Д а ш а. Неделю назад - я же тебе сказала. Ты был со своей Лялюсей на берегах Луары.

М и т я. Надо было ехать вместе. ЁКЭЛЭМЭНЭ. И кому ты стала нужна, то есть не нужна?

Д а ш а. И я об этом думала целую неделю. Мозговые перепонки треснули.

М и т я. И додумалась?

Д а ш а. Додумалась.

М и т я. И до чего додумалась?

Д а ш а. Я додумалась до того, что стала не нужна тебе. Все же просто, как осенний банный лист.

М и т я. Логично.

Д а ш а. Логично, сто процентов.

М и т я. То есть, как - логично, сто процентов? Ты что такое несешь?

Д а ш а. Это ты несешь, что все логично и конкретно!

М и т я. Что-о?!

Д а ш а. В меня стреляли! Это не логично! *(Хнычет.)*

М и т я. Без базара. Пардон. Ну, прости. Seriously стреляли?

Д а ш а. Когда застрелят - будет серьезнее некуда - без базара!

М и т я. Ладно, слушай, поезжай на Корсику - на месячишко. Я тебе тур куплю. Заодно отдохнешь, естественно. Покупаешься, позагораешь. А?

Д а ш а. А потом?

М и т я. Потом сменишь квартиру, работу. Что-нибудь придумаем конкретно. Фууууу. И есть же, суки эти твари, посметь убить такую девушку тебя.

Д а ш а. А вот они и есть. Я не могу сменить работу в театре, Митя. Я актриса. С известной нашей общей твоей родовой фамилией.

М и т я. Ну, я найду того, кто хочет тебя убить и сделаю ему очень, очень плохо и смертельно больно.

Д а ш а. Ты рыцарь – Гамлет.

М и т я. Я не Гамлет, но я тебя по-рыцарски люблю.

Д а ш а. Как Офелию?

М и т я. Как прекрасную Офелию свою.

Д а ш а. Хочешь, чтобы я свихнулась, утонула?

М и т я. Выплыла и уплыла от нашей мерзости земной. Чудеснейшая девочка моя.

Д а ш а. Но зачем тебе еще эта между нами нимфетка - эта головная боль и больше для меня.

М и т я. Ой, ну у нее свое место - не между нами. После тебя - далеко. Мы же говорили.

Д а ш а. Там где меня совсем уже и нет.

М и т я. У каждого свое место, Дашенька. И мне непросто всё. Каждому своё.

Д а ш а. Это было написано на воротах в концлагерь Освенцим. Каждому своё. Все повторяется? Или все остается, как было?

М и т я. Все будет так, как будет. Надо быть оптимистом. Смерть пусть мёртвыми подавиться.

Д а ш а. Для этого надо сначала, чтобы один живой человек убил другого живого человека. На Корсике твоей стреляют лучше, чем в Москве. Там в меня не промахнутся. Не буду так страдать.

М и т я. Ну, там стреляют значительно хуже. Мы еще Наполеону это объяснили популярно.

Д а ш а. Вот и я тебе популярно объясняю. Я этот пистолетик с глушителем очень осторожно подняла тогда с асфальта с помощью целлофанового пакетика и положила в свою сумочку. А у Светочки – ну, моя подружка актрисулечка - ты ее знаешь - есть дружочек дактилоскопист-криминалист. Ой, это сейчас такая профессия прибыльная. Ну и вот. На рукоятке этого пистолетика с глушителем, Митенька, он обнаружил твои отпечаточки пальчиков. Как тебе это нравится?

М и т я. Мне это никак не нравится. Что за маразм?

Д а ш а. Дактилоскопия.

М и т я. Но я же был во Франции, дактилоскопия.

Д а ш а. Для меня это тоже удивительно. Французская загадка.

М и т я. А где же русская отгадка?

Д а ш а. У черта в бороде.

М и т я. Посмеялись и хватит?

Д а ш а. В этом черном юморе больше черноты, чем юмора.

М и т я. Я был в Париже целый месяц с Лялечкой!

Д а ш а. А сначала ты сказал, что по всей Франции кружили вы вояжем.

М и т я. Ну, так оно и было на самом деле.

Д а ш а. А как же тогда целый месяц в Париже с Лялечкой?

М и т я. Ну, это фигурально, актрисулечка, - не надо меня дактилоскопировать на слове.

Д а ш а. Ну, а как же тогда отпечаточки пальчиков на этом пистолетике с глушителем и на тумбочке твоей с трусами и носками? *(Показывает ему два фотоснимка.)* Видишь, две фоточки: это вещдоки - отпечаточки пальчиков твоих с тумбочки твоей и такие же на пистолетике с глушителем ТВОЕМ - абсолютно можно утверждать.

М и т я. Серьезная фоторабота. *(Рассматривает фотоснимки.)* Кто это все подстроил? Кому все это надо?

Д а ш а. Лялюшечке твоей, если не тебе.

М и т я. Ей пятнадцать лет.

Д а ш а. Сейчас пятнадцатилетние девочки - очень ушловатенькие свиночки.

М и т я. Хорошо, хорошо! Постой, но она же тебя любит.

Д а ш а. Кто меня любит?

М и т я. Моя Лялечка тебя любит.

Д а ш а. Она еще и лесбияночка, Лялечка?

М и т я. Она тебя любит потому, что я тебя люблю.

Д а ш а. Ты веришь женщине?

М и т я. Ты тоже женщина.

Д а ш а. Меня ты знаешь давно, милый. Я тебе хоть раз в жизни врала?

Изменяла?

М и т я. Я не знаю.

Д а ш а. Ты не знаешь?

М и т я. Ты меня любишь - я это чувствую. И я тебе верю и люблю тебя. Ты во сне спишь, как святая. Этот образ твой со мной все время пребывает и силы придает.

Д а ш а. А Лялечка твоя, как спит во сне?

М и т я. Я не знаю. Пока еще не видел. Я с ней, как убитый сплю после... Сама понимаешь. Страстей у Анки - с пулемёт - для Петьки и Чапаева.

Д а ш а. Да если женщина спит во сне как настролявшаяся сучка - значит она сучка. А бабники сучек и любят до испепеленья, чтобы потом и им немножко дали пострелять. Ну, сука! Откуда твои пальчики взялись на пистолетике с глушителем, Дмитрий Петрович Чапаев?

М и т я. И на глушителе тоже?

Д а ш а. И на глушителе, и на рукоятке, и на курке - повсюду. Все облапано в каком-то экстазе.

М и т я. Нечистая сила. Может нечистая сила? Сейчас много полтэргейстов всяких развелось. А?

Д а ш а. Полтергейст сжигает отпечатки пальцев.

М и т я. У Мюллера в гестапо ты бы сделала себе приличную карьеру, Дашенька.

Д а ш а. Ты мне можешь ответить, Митенька Штирлиц режиссер, - каким это образом весь этот пистолетик с глушителем был облапан твоими отпечаточками пальчиков, если в тот вечер в меня промахнулся не ты?

М и т я. Я бы не промахнулся. Я очень хорошо стреляю и я бы не промахнулся.

Д а ш а. В меня?

М и т я. Зачем мне в тебя стрелять?

Д а ш а. Ты у Дездемонны спрашиваешь?

М и т я. Ее Отелло ревновал.

Д а ш а. Все было мерзко - Яго все подстроил... Все, как было - так и есть, все крутится по кругу и будет так, как будет.

М и т я. Но ты же мне не изменила - ни разу. Ни раньше, ни даже сейчас. Ты святая, повторяю, девушка. За это я тебя люблю. Я не знаю, конечно, за что ты меня любишь.

Д а ш а. Этого никто не знает - за что любят. Это психиатрическая такая болезнь: шизофрения.

М и т я. Я тебе благодарен за эту шизофрению.

Д а ш а. Поэтому и изменил с этой нимфеткой с голой жопой.

М и т я. У вас всех божественных девушек есть небесные голые попочки.

Д а ш а. Не все божественные девушки носят шортики в десять раз меньше своих голых мясистых сисястых жопочек.

М и т я. Сисястых жопочек!!!... Это я тебе скажу сказано весьма на уровне Дали и с большим культурным вкусом женщины, достойной высшей похвалы. Ну, она еще молоденькая, киндэр. Сжался, Даша. Подрстет и поумнеет.

Д а ш а. Подрстет - ты найдешь себе другую нимфетку с голой деловой сисястой жопой. Деньги есть. Голодные нимфетки стоят в очередях и раздувают груди.

М и т я. Она ребенка ждет и счастья моего и своего.

Пауза.

Д а ш а. Поздравляю.

М и т я. Спасибо.

Д а ш а. От тебя ребенка ждет?

М и т я. Ты ее ненавидишь - я тебя понимаю.

Д а ш а. Ее я люблю. Тебя с ней я не люблю. А ее я люблю и понимаю, как женщину.

М и т я. Ты хорошо сказала. Она симпатичная и очень благородная девушка. Как ты. Но просто родилась она чуть-чуть попозже тебя и встретила меня, когда я тоже постарел... Но у тебя самое положительное биополе – на всем белом свете. Я беру твои руки и счастлив, спокоен – мне никто кроме тебя на всем целом свете не нужен. Можно? (*Хочет взять ее руки.*)

Д а ш а. Давай без отпечатков рук поговорим. (*Убирает руки.*)

М и т я. Ну, разрубили пополам топором жизнь нашему поколению. Как щенят в воду кинули - выплывайте, мол. Ну, я выплываю - сам. Театр - это святое прошлое - это ты. Бизнес - это будущее - тоже святое - это она. Но и ты тоже значишь для всех нас не меньше в этой продолжающейся жизни общей нашей святой. Она ждет ребенка. От меня! И для тебя тоже. Мы же все вместе... Говорили... Ты же сама ее любишь и понимаешь, как женщина. Чего мы делим? Ты специально наворачиваешь истории с этими киллерами, пистолетами и так далее!

Д а ш а. Я ничего не наворачиваю! Это все правда! Голая правда! Как барабанная голая жопа!!! В меня стреляли!!! На пистолете твои отпечатки пальцев. Скажи спасибо, что я не заявила в милицию, а веду расследование сама - первый раз в жизни. И ведь представь себе, что в тот вечер, когда в меня стреляли - мне кто-то позвонил по телефону и сказал, чтобы я сверила твои отпечатки пальцев на твоей тумбочке с носками и трусами, с отпечатками пальцев на пистолете с глушителем. Такая, вот, немаловажная конкретная деталь.

М и т я. Врёшь.

Д а ш а. Вру, как этот пистолет.

М и т я. Слушай, позвонить мог только тот человек, который посещал этот дом. И знал все про тумбочку с трусами и носками.

Д а ш а. Он меня так напугал - я чуть не окочурилась от страха.

М и т я. Фашизм. Надо просто понять - кому это все надо. Мне это все не надо.

Д а ш а. Мне - тем более - стреляли в меня.

М и т я. Застрелили другого.

Д а ш а. Ты б хотел, чтоб кокнули меня?

М и т я. Ну, конечно, нет. Того убиенного человека тоже жалко. Очень жалко. Все мы люди одного человечества. Я всех людей люблю на свете. Как ни странно - до сих пор.

Д а ш а. И больше всего меня - кто отдал тебе, христианин, всю свою молодость – аленький цветочек.

М и т я. Такая у женщин счастливая, божественная судьба - дарить цветы молодости. Я тебе тоже подарил свою молодость и любовь дарить продолжаю. И уважение. Опять ты делишь.

Д а ш а. Твоя киндерушечка все это подстроила. Вот она конкретно не хочет делиться со мной твоими материальными зелеными. За то, что сейчас отдает тебе свою молодость. Я ж у тебя сейчас на пенсии со своей молодостью. А, если у нее любовник молоденький киллер - она могла его просто попросить по-христиански – меня зачистить - нанимать не надо.

М и т я. У нее нет любовника молоденького киллера!!!

Д а ш а. Ну, может сегодня ее молоденький любовник не киллер. Завтра попросит - будет киллер, ради любви к ее благоуханной голой молоденькой жопке.

М и т я. У нее нет никакого любовника!!! Ни молоденького, никакого!!!

Д а ш а. Ну, она же такая знойная занозная сосулечка. Ты ее купил, прикарманил. Думаешь, ей трудно найти помоложе, кто заплатит подороже за гурманские отсосы?

М и т я. У нее нет никакого любовника!!!

Д а ш а. Зачем так кричать, когда не уверен?!

М и т я. Я уверен!!!

Д а ш а. Точно уверен? Побереги горло.

М и т я. У нее нет любовника. Ей никто не звонит... При мне.

Д а ш а. Во-во. При тебе не звонит. Когда тебя нет - звонит. Может она сама ему звонит, когда тебя нет. Она у тебя гуляет одна, без тебя?

М и т я. Ну, гуляет иногда одна - естественно. В магазины ходит.

Д а ш а. Вот тогда и звонит. А при тебе бесшумно эсэмэсит о своей любви к нему – своему любимому молодому человеку.

М и т я. Я этому не верю. Мне женщины никогда не изменяли.

Д а ш а. У тебя еще были женщины?

М и т я. Но ты же мне не изменяла.

Д а ш а. Для меня ты был молоденький огурчик. И сколько всего у тебя было женщин?

М и т я. Не считал. Все мои.

Д а ш а. Гарем, короче.

М и т я. Как тебе будет угодно. На меня сейчас столько сразу обрушилось, а ты на меня с этим гаремом еще катишь. Ты в своем уме? Никого, кроме тебя у меня никогда не было! И в театре я никого не имел - не пользовался, что был главным режиссером главнюком. У меня - ты была одна на Олимпе - святая Мадонна и все. Я тебе хоть раз триппер подарил?

Д а ш а. Бог миловал. Но я, все-таки, последнее время волнуюсь за себя - нимфеточка у тебя такая соблазнёха, а ты все время на работе еще выдыхаешься.

М и т я. Сильно выдохся?

Д а ш а. Ну еще вполне ничего апполончик. Ты сколько раз кончаешь за ночь с ней?

М и т я. Даш. Не беспокойся с этой еще темой. Все о'кей.

Д а ш а. С этой темой я не беспокоюсь. С чего ты взял? Раз десять кончаешь?

М и т я. Значительно больше.

Д а ш а. А со мной значительно меньше. *(Плачет.)*

М и т я. Даш, ну успокойся. Что с тобой, Даш?

Д а ш а. У твоей оторвы Ляли хахаль-киллер против нас, и ты на это смотришь сквозь разутые пальцы, когда он начал свой отстрел с меня!

М и т я. Я на это не смотрю сквозь разутые пальцы! И как это у моей Ляли хахаль, еще киллер? Ты чего-то точно не туда баранкой режешь, Дашенька, даже и хорошая моя.

Д а ш а. Они даже подстроили, что на рукоятке этого пистолета - твои отпечатки пальцев. Тебя довели уже даже до того, что ты не чувствуешь, что лапают твои пальцы: мою грудь, Лялькину сисяристую жопу или пушку эту кольтовскую с глушителем, из которой по мне бабахали, слава Богу, мимо!

М и т я. Я им сейчас устрою лежбище могильное на моих разутых пальцах!
(*Берет пистолет.*)

Д а ш а. Что ты собираешься делать?

М и т я. Отстреливаться надо. По киллерам бабахать. Убить этого киллера Билла – ихним кольтом точно в киллеровский глаз.

Д а ш а. А почему тогда ты целишь в мой глаз, если собираешься бабахать этим кольтом точно в Бильский тарантільский киллеровский глаз?

М и т я. Все точно говоришь. Я схожу с ума. Как в Россию попадаешь вновь - тут же «горем от ума» шизофренеешь. (*Обнимает ее за талию.*) Прости, пожалуйста, за пощечину. Но, если хочешь - врежь мне ладошкой по роже в ответ. Я не настаиваю. Если хочешь - я не буду возражать.

Д а ш а. Ты же небритый. Больно наносить пощечины по небритому лицу. Месьё ведь у нас бреется только перед сном, когда лезет в постель к этой своей Ляльке. Она тебе завязывает очи черненьким платочком, когда ее имеешь ты?

М и т я. Зачем тебе и это надо ещё знать?

Д а ш а. Ты это очень любишь - неожиданные ласки. Если ты меня просишь, перед тем как потрахаться, завязать тебе глаза, то и ее, наверняка, о том же просишь, как маньяк.

М и т я. И что следует из этого тогда?

Д а ш а. Ты за что держишься, когда ее трахаешь с завязанными глазами?

М и т я. Какие у тебя вульгарные вопросы.

Д а ш а. За ее жопочку пружиночку держишься?

М и т я. Это разве плохо? Это хорошо.

Д а ш а. А если она, как я свою пипочку фиксирует на железной спиночке кроваточки твоей, чтобы жопочку свою – как сладкое дрожащее желе упругое тебе подставить, сволочь, жестче! Тебе ж для плотного, упругого удара держаться надо пальцами сподручней за спиночку железную кроваточки своей.

М и т я. Кама-Сутра, милая моя, в современных бытовых условиях на железной спиночке кроваточки своей. Удар дротиком называется. Это хорошо. Этот способенчик тебе тоже в жилу - как ты говоришь.

Д а ш а. Вместо спинки железной кровати во время этой Камы-Сутры ты мог в тот роковой раз держаться и за пистолетик - с глазенками закрытыми от мира черненьким платочком.

М и т я. Что-о? Ну, я бы почувствовал горячее оружие такое... Пистолетное... Понимаешь...

Д а ш а. Понимаешь, когда вынимаешь. Да все чувства у тебя при этой Каме-Сутре в полметровом дротике твоём - тем более с закрытыми глазами. Кому ты хочешь доказать, что это не так? Ты мне это хочешь доказать, маркиз де Сад слепец маньяк тлетворный?

М и т я. Я зарекаюсь трахаться с закрытыми глазами впредь.

Д а ш а. Поздно, ангел мой моральный и оральный - тебя уже подставили.

М и т я. Я зарекаюсь трахаться с закрытыми глазами впредь!!!

Д а ш а. Ну, со мной-то можно поразвлечься, чтоб дышала кожа?

М и т я. Ни с кем.

Д а ш а. Ни с кем - так ни с кем. Сухой закон. Начнешь пить рюмками - кончишь БУТЫРКАМИ. Я одобряю.

М и т я. Ну, с тобой-то можно, чтоб дышало и орало все.

Д а ш а. Если я вообще еще буду трахаться с тобой после всей этой организованной перестрелки по мне - беззащитной женщине.

М и т я. Не может Лялька. Она такой гуманный и щедрый человек. Столько раз она мне говорила купить тебе подарок дорогой в Париже.

Д а ш а. Подарок на чужие деньги - щедро.

М и т я. Ну, она, ты знаешь, так переживает чисто по-человечески, что ты должна теперь делить меня с ней. Она много раз хотела с тобой познакомиться - ты же все не хочешь. Убивать тебя из-за моей баблосовой зелёнки, она? Никогда.

Д а ш а. Может из-за ревности?

М и т я. С ее-то красотой и ревновать?

Д а ш а. Ты не знаешь женщин.

М и т я. Я не знаю женщин? Да я больше никого и ничего в этом мире не знаю, кроме женщин. Я ей сейчас звоню и в лоб: почему ее любовник – киллер этот тарантильский Билл мифический, хотел тебя убить.

Д а ш а. Далеко не мифический. Ты ее перепугаешь, вспугнешь. Может быть, как-то надо все выведать исподволь, постепенно? И наверняка. Неплохо выследить ее с любовником киллером в твоей постели. Это было б – точно наповал.

М и т я. Э-э – не-ет! Пока будем выслеживать - тебя, милая моя, со света точно наповал зачистят.

Д а ш а. Улёт-отлет, какая жизнь настала. Что я тебе еще скажу?

М и т я. Я ей сейчас звоню. Телефон. *(Берет телефон.)* И в лоб - как танк.

Д а ш а. Она тебе так все и расскажет по телефону. Голосом соврать - только попроси современную прикинутую компьютеризированную герл. В глазах бы надо правду-матку высмотреть глазами, милый мой.

М и т я. Ну давай ее сюда доставим и предъявим. Напару ее глазами и отсмотрим до верного. Заодно и сама с ней познакомишься. Через две минуты будет здесь - дом напротив. Я ж все тылы мои предусмотрел по метражам своим квартирочным квадратным. Звоню. *(Набирает номер.)* Алло! Ляля! Я у Даши. Как тебе и говорил. У Даши все прекрасно, как всегда. Обсуждаем Францию. Вот она тоже хочет с тобой познакомиться. Спасибо. *(Даше.)* Она тебя целует.

Д а ш а. Целую взаимно.

М и т я *(в телефонную трубку)*. Тебя она тоже целует. Крепко-крепко - как я. Ну, прибегай, прям, сейчас. Вот-вот. Напротив дом. Двенадцатый этаж. Квартира сто пятнадцать. Ну, давай - мы тебя ждем. О'кей. *(Выключает телефон)*. Будет через минуту.

Д а ш а. Пока надавлю апельсиновый сок.

Пауза.

Звонок в дверь.

М и т я. Вот хорошо - это она. И я тебя прошу, Дашенька – никакой вульгарности. Она же ребенок. Давай сейчас будем воспитанными мальчиками и девочками - молодежи надо хороший пример показывать.

Д а ш а. Секс с завязанными глазами – замечу - отменный пример.

М и т я. Дашенька - я открываю дверь. Ради меня, пожалуйста – полюби её с открытыми глазами! И все.

Д а ш а. Сейчас пример любви покажем молодежи, Митя, с широкими открытыми глазами - ты не беспокойся – как в лучшем фильме Стенли Кубрика, как в лучших виллах Ниццы на Лазурном берегу.

М и т я. Только штормить не надо, Дашенька.

Д а ш а. Работай, боцман – открывай для девушки на корабле каюту.

М и т я. Капитан, капитан... Улыбнитесь...

Митя открывает дверь, входит Ляля.

М и т я. Лялечка!

Л я л я. Митенька! Здравствуйте! Я, Ляля. А вы, Даша?

Д а ш а. Здравствуйте, Лялечка, я, Даша.

М и т я. Мы о тебе говорили столько хорошего, Лялечка.

Л я л я. А мы сколько говорили и о вас хорошего, Дашенька - вы не представляете, как Митя вас очень-очень любит, ценит и я тоже!

Д а ш а. А сколько доброго и возвышенного мы о вас говорили, Лялечка. Только о вас все время и говорили, и говорили. Вы и представить себе не можете, как Митичка вас любит, обожает, ценит, превозносит, а вслед за ним и я.

Л я л я. Я так рада. Вы не можете представить себе, как я этому рада. Вы такая известная, прелестная актриса. Когда мне было десять лет - это было пять лет назад - мы с мамой ходили в театр смотреть «Чайку». Вы там играли Нину Заречную - эту неудачную, не совсем, может быть, талантливую актрису с такой ее грустной любовью. Но как талантливо вы играли эту не совсем талантливую, я повторяюсь, актрису, что ее было, действительно, жалко - потому что в вашем исполнении она была такая талантливая, в ней было столько настоящей, искренней любви. Вы были такой пылающей, возвышенной, небесной чайкой. А когда Треплев застрелился - я плакала. Слава Богу, что хоть вы остались живы, а то бы я совсем с ума учапала.

Д а ш а. Миленькая девочка - какое же вы чудо сказочных учапальных миров.

Л я л я. Чудо-юдо-рыба-кит.

Д а ш а. Вы тоже мечтаете стать актрисой?

Л я л я. Пока не решила. Митя хочет мне давать уроки. Но сейчас такое экономическое время: надо учить языки, знать компьютеры, экономику. А если получится стать актрисой и прославиться - то это должно получиться само собой - если захочет Бог.

Д а ш а. Вы верите в Бога?

Л я л я. Бог находится в хороших людях, и им я верю.

Д а ш а. Как совершенно вы говорите. Вы просто поете, а не говорите.

Л я л я. Ах, если б я умела петь - я была бы так счастлива.

Д а ш а. Я вас научу.

Л я л я. Спасибо. У меня нет голоса.

Д а ш а. У вас замечательный голос - вы лепечете, как соловей.

Л я л я. Если б это было на самом деле.

Д а ш а. Митя, я тебя поздравляю с Лялечкой - чаечкой.

М и т я. Спасибо.

Л я л я. А я тебя, Митя, поздравляю с Дашенькой. Ой, простите, а как у вас отчество?

Д а ш а. Да какое отчество, Лялечка. Мне очень нравится, когда вы называете меня просто Дашенька. Будем как на Западе. И я, надеюсь, еще не так стара для отчества.

Л я л я. Ой, простите. Простите, пожалуйста. Я не хотела вас обидеть.

Д а ш а. Да вы что - перестаньте. Разве можно на вас обижаться, дитя мое?

Л я л я. Я иногда так скажу, что сама вырубаясь.

Д а ш а. Все совершенно все что надо говорите. Что же ты, Митя, раньше меня не познакомил со своей очаровашкой Лялечкой?

М и т я. Да вот как-то что-то... Хотел. Бог свидетель - хотел.

Д а ш а. Я так вам завидую, Ляля. Вы ждете беби - ребеночка?

Л я л я. Вам Митя сказал? Я пока не знаю.

М и т я. Мы ждем...

Д а ш а. Все вместе подождем. Жизнь есть только впереди. В этом вся и магия. Ну что ж - выпьем за нашу встречу апельсиновый сок!

Разливает по бокалам сок. Все пьют.

Л я л я. Как вкусно. Витамин цэ.

Д а ш а. Да. А у меня так и не было беби.

Л я л я. Это ужасно печально. А вы знаете - сейчас можно кого-нибудь просто удочерить или усыновить.

Д а ш а. А просто вас, можно?

Л я л я. У меня просто есть родители.

Д а ш а. Хорошо иметь своих родителей.

Л я л я. Конечно.

М и т я. Друзей иметь еще лучше. Друзей мы выбираем сами.

Д а ш а. И предаем сами.

Л я л я. Друзей предавать нельзя.

Д а ш а. А мы предаем.

Л я л я. Это плохо.

Д а ш а. Это просто невыносимо плохо.

Л я л я. А мы не будем предавать друг друга. Давайте выпьем за верную нетленную дружбу.

Д а ш а. Непременно.

М и т я. За неиссякаемую, искреннюю дружбу, дорогие женщины!

Д а ш а. Только за это! (*Пьют сок.*) И теперь нам наш дружелюбный и искренний Митя позволит говорить о нем в его присутствии все!

Л я л я. Ой, как замечательно!!! (*Хлопает в ладоши.*) Наконец-то мы все про Митичку узнаем.

М и т я. И чего вы обо мне еще не знаете?

Д а ш а. А когда мы сейчас поделимся сокральными, тайными знаниями - мы и узнаем, чего про тебя мы еще не знаем каждая в отдельности.

М и т я. Ну, девочки, - вы точно роковые криминалочки.

Л я л я. Больше всего Митя любит арбузы и дыни.

Д а ш а. Под водку Митя любит маринованный чеснок.

Л я л я. Я и не знала этого.

М и т я. И что дальше?

Д а ш а. После водки Митя любит трахаться.

М и т я. Ну, это уж слишком.

Л я л я. После арбузов и дынь Митя тоже любит трахаться. Да-да-да-да-да!!!
(Хлопает в ладоши.)

Д а ш а. А больше всего Митя любит трахаться с завязанными глазами.

Л я л я. Точно!!!

М и т я. Девочки, вы какие-то совсем рецидивисточки.

Л я л я. Мы, Дашенька, совсем рецидивисточки?

Д а ш а. Девочки, которые трахаются с открытыми глазами, совсем никак не могут быть рецидивисточками.

М и т я. Это почему это девочки, которые трахаются с открытыми глазами, совсем никак не могут быть рецидивисточками?

Л я л я. Потому что девочки, которые трахаются с открытыми глазами, Митенька, совсем никак не могут быть рецидивисточками, потому что они честно видят открытыми глазами как они трахаются. Они видят и знают, что они творят. Они творят любовь с открытыми глазами!

Д а ш а. Любовь бывает только с открытыми глазами. Bravo! Брависсимо!!! Лялечка!!! (Хлопает в ладоши, целует Лялю.) Любовь с закрытыми глазами это только пошлый секс. А вы представляете - вы не представляете - я была верна этому пошлему сексу, этой трахающей пипиське с закрытыми глазами с названием Митя - целых двадцать лет. Целых двадцать лет я его любила с широко открытыми глазами, а он, как маньяк-рецидивист трахал меня с закрытыми глазами и наслаждался телом лишь моим одним. От оргазма из его рта прыскала слюна мне на грудь. Почему-то это мне было так противно, но он этого ничего не видел - ибо трахал он меня с закрытыми глазами. Его голубые глазки были крепенько затянуты шелковым черным платочком - который, впрочем, я ему сама подарила на богемную шейку его... застить свет любви. Но даже с закрытыми глазами Митя почувствовал, что тело мое постарело. А душа... душа без тела только в церкви хороша.

М и т я. Ну, Дашенька...

Д а ш а. Слюнявый бабник знает толк в безнравственных святых оттраханных телах с названьем - женщина любимая моя... Ну, что меня слушать. Я старая швабра, которую как следует поматросили, а теперь за борт. Доля. Дай-то Бог, Лялечка, чтоб с вами этого вышвыриванья за борт не успело состояться. Вам везет. Когда Мите будет далеко за пятьдесят - вам будет только тридцать. Как он вас будет удовлетворять в таких седилах лысых? Его проблемы. Что жалеть самца с любовью пожиравшего лишь только твоё нимфеточное мясо. Так и устроен этот сказочный, прекрасный и волшебный наш подлунный мир.

М и т я. Даш, ну ты любишь играть трагедии. У тебя это гениально получается.

Л я л я. Я очень сильно люблю Митю. И Митя...

М и т я. Да.

Д а ш а. Я тоже очень сильно люблю Митю. И Митя любил меня.

М и т я. И люблю.

Д а ш а. Третий должен испариться, а не играть трагедий - это правда. И если третий не исчезнет добровольно - его просто укокошат. В наше экономическое время поступают так. Чтоб быстро. Время - деньги. Нажатием курка в нужное время и в нужном месте. Но хорошо бы стрелять поточнее. Пусть пулей будет выворочен глаз, но смерть была б мгновенной только.

М и т я. Понимаешь, Ляля - в Дашу стреляли. Из этого пистолета с глушителем.
(Показывает пистолет.) К счастью - не попали.

Л я л я. Вау!

Д а ш а. Вы, Лялечка, не в курсе? К несчастью, не попали. Будут стрелять снова.

Л я л я. Серьезно?

М и т я. Серьезней не бывает – видишь, как расстроена.

Л я л я. Кошмар. Да это просто дикий, отвратный, колушматный беспредел!

Д а ш а. Надо было опытного киллера нанимать и уж, во всяком случае, не трахаться хоть с этим молоденьким киллером перед выполнением такого ответственного боевого задания по ликвидации первой любви нашего любвеобильного президента современной театрално-нефтяной нимфеточной-конфеточной, трансатлантической финансовой компании. Первой любви - я, конечно, преувеличиваю свою роль в аппарате свиты. Я понимаю, что киллеру надо набить желудок мясом, - для того, чтобы член стоял как дуб - дабы протрахать основательно для вдохновения целочку-нимфеточку пятнадцативесеннюю. Но вот как потом, конечно, прицельно стрелять, когда вся вдохновенная кровь из мозга прицельного ушла в желудок, а потом в член, соответственно, - я не представляю, естественно.

Л я л я. Я ничего не понимаю. Киллер, мясо, член, мозги, желудок, президент. Целочка в свои пятнадцать лет весенних вдохновенная. Это я, наверно, что ли?

Д а ш а. Боже упаси.

Л я л я. Нет, я могу быть целочкой в свои пятнадцать лет. Вполне. Как скажете.

Д а ш а. Ах, вы еще и целочка пока? Митя – поздравляю!

Л я л я. Простите - я не целочка, я, прошу прощения – не плачу – так же, как и вы – порванная... ниточка...

Д а ш а. Ниточка Заречная...

Л я л я. Да-да! А кто наш будет президент? Митя?

М и т я. Во всяком случае, я президент своей конторы по маркетингу.

Л я л я. А вы, Даша - первая любовь нашего Мити президента? Я все точно поняла. И в вас стреляли, как в президента Кеннеди. И кто тогда киллер?

Д а ш а. Ну Митя, наверно, киллер.

М и т я. Чиво-о?! Я президент!

Д а ш а. У киллера крыша, что он президент?

Л я л я. Да.

Д а ш а. Вот.

М и т я. Чиво-о?! А кто тогда президент? - Без крыши?!

Д а ш а. Президент без крыши это тот, кому ставит рога целочка киллера в свои пятнадцать лет весенних.

Л я л я. Точно! Да! Ура!!!

М и т я. Что-о?!

Д а ш а. Просто все ясно, Мить - ты не обязательно киллер - оставайся как и есть - одним рогатым президентом без крыши. У нее пятнадцатилетний любовничек вполне может быть киллером.

Л я л я. Чей пятнадцатилетний любовничек вполне может быть киллером?

Д а ш а. Да твой, Лялечка, пятнадцатилетний любовничек вполне может быть киллером.

Л я л я. Ни шиша-а! Да что эта балерина здесь себе позволяет! Я ничего не понимаю. Митя!

Д а ш а. Эта балерина позволяет здесь себе защищаться и больше ничего! (*Берет пистолет.*) Этим киллером все-таки был ты, Митя. Признайтесь. После секса с закрытыми глазами, после водочки с маринованным чесночком и мясом - у Мити дрожали ладошки, глазенки слипались усталые, и Митя промахнулся в свою первую шлюшку президентскую - в меня. Так было дело, убойные товарищи?

Л я л я. Мы были во Франции!

Д а ш а. У киллеров всегда отличное алиби!

М и т я. Пистолет заряжен?

Д а ш а. В аккурат заряжен! *(Стреляет в сторону кухни, слышен звук бьющегося стекла.)* Есть сомненья у парламента?

М и т я. Ты во что там угодила?

Д а ш а. Я угодила там в стеклянную баночку, чтоб чесночечек для тебя мариновать. Ты не беспокойся - тебе маринованный чесночечек в гробу уже не нужен будет. А я его и так не ем.

М и т я. Ты шутишь, или ты не шутишь, Дашенька? Ты в своем уме?

Д а ш а. Признайся, эта промакашка тебя заставила так пасть и покушаться на меня?

Л я л я. Швабра! И ты хуже, чем швабра - ты рваная половая тряпка со всеми порванными внутри своими ниточками Заречными и все! Скажи ей, Митя, что она рваная, гнилая половая тряпка, о которую и можно, и нужно, разве что, вытирать грязные ноги! *(Прячется за Митю.)*

М и т я. Лялечка! Дашенька!!! Успокойтесь, девочки!

Д а ш а. Отойди, Митя - я ее подстрелю, как перепелку!

Л я л я. Почему как перепелку?!

Д а ш а. А потому, что это я стреляю - как хочу - так назову, кому башку я оторву!

М и т я. Я умоляю тебя, Дашенька! *(Бросается перед Дашей на колени.)*

Л я л я. С какого перепугу эта фура посчитала, что ты в нее стрелял?

М и т я. Киллер выбросил пистолет. Так, Даш? Во-от. А Даша, не будь дурой, подобрала пистолет этот. А у нее есть подружечка актрисулечка Светочка-разеточка, у которой есть любовник - свой домашний этот - дактилоскопист.

Л я л я. Домашний дактилоскопист? Граждане приехали.

М и т я. Ну, такой просто хороший очень человек. Дактилоскописты сейчас очень хорошо получают.

Л я л я. И потом.

М и т я. А потом этот дактилоскопист снял отпечатки пальцев сначала с пистолета, а потом и с тумбочки моей у Даши вот, где я храню свои трусы еще с носками до сих пор. В тот вечер, когда в Дашу стреляли, кто-то позвонил Даше по телефону и посоветовал снять отпечаточки пальцев с пистолета и тумбочки, чтобы сравнить. Так же, Даша, дело было?

Д а ш а. Так-то оно так.

Л я л я. И ты веришь этой ревностной и блеющей козе?

М и т я. Я всегда верю этой козочке милой своей с приятным нежным гладким мехом.

Д а ш а. И умрешь сейчас за эту веру, шкурник извращенный! И не только ты! *(Стреляет в сторону кухни, слышен звук бьющегося стекла.)*

М и т я. Как гениально ты стреляешь, Дашенька - и кто тебя учил?

Д а ш а. Тот, кто меня действительно и любит. Но узнать тебе его не суждено. Скажи спасибо, что умрешь сейчас мгновенно, паразит!

М и т я. Спасибо, Дашенька, спасибо. Но, может быть, немножко поживем еще хотя бы до утра, а там, быть может, протрезвеем малость?

Д а ш а. Протрезвеем – не помянем. Хочешь – можно так. *(Стреляет в сторону кухни, слышен звук бьющегося стекла.)* Пять пуль еще осталось - хватит помянуть.

Л я л я. Но каким это фантазмагорическим образом на этом пистолете могли оказаться Митичкины отпечаточки пальчиков неделю назад здесь в Москве, когда неделю назад мы были в Ницце на Лазурном берегу, и эти Митичкины пальчики не покидали мою кожицу и секундочку?

Д а ш а. Ты раньше помогла ему облапать пистолет - до Франции еще, мокрица плоскодонная.

Л я л я. Ах!.. Я помогла ему облапать пистолет до Франции еще? И ты молчишь, Димитрий, когда меня здесь поливают матом?

М и т я. Она ж стреляет, Лялечка моя!

Д а ш а. И очень хорошо!

Л я л я. Я помогла ему облапать пистолет? Но как, когда - она в своем уме? Ответь же ей, Митяй!

М и т я. Ну, может в самом деле Дашенька права - когда я трахался с закрытыми глазами, Лялечка, с тобой. Ведь, действительно, как кошки на железной спиночке кроваточки моей мы трепыхались мы с тобой - ну и невзначай облапал пистолетик я ладошкой. Так ведь было дело, Лялечка и Дашенька мои?

Л я л я. А при чем здесь Дашенька твоя?

Д а ш а. При том, что я стреляю очень точно! И в глаз дурной попасть смогу! *(Стреляет из пистолета в сторону кухни, слышен звук бьющегося стекла.)*

Д а ш а. Как мне грустно, люди-твари-лебедя! *(Стреляет в сторону кухни и опять слышен звук бьющегося стекла.)*

Л я л я. Логично-поэтично-страшно – просто реальная взрослая стерва! С кем ты Митя жил? А дальше, значит, мой молоденький любовник-киллер берет аккуратно этот облапанный Митичкиными пальцами пистолет с глушителем и бабахает по этой биздарной Ниночке-оторвачке чаечке гагарочке Отречной?! Да я бы сама ее грохнула эту актрисульку – только б кайф словила!

Д а ш а. Отличный театральный критик умирает и сейчас умрет-то, наконец, на самом деле! *(Дает Мите и Ляле фотографии.)* На редкость у меня сегодня настроение ништяк. Везет вам, хромосомки. Еще я вам дарю пяток минуток жизни нахаляву. Насладитесь же искусством этих фотографий, кошечки и ципочки мои. Фоторужьем стрелять училась я сначала из своего окна по твоим открытым и закрытым окнам, Митя - кобель,- Ляля – копия твоя. Не судите – не судимы будете, а жертвой.

М и т я. Он же голый киллеренок здесь, а ты его целуешь, Ляля, в грудь в моей квартире даже!

Л я л я. Да это Киля, Митя – фоткнутый на фотке! Суперский шедевр!

М и т я. Киля фоткнутый на фотке?! Что такое значит Киля?! Киллер?!!

Л я л я. Да нет, просто Киля - мой дружок из ларька с мороженым. Вон тот ларек, что во дворе у нас. Киля с детства мечтал продавать мороженое, и вот его мечта осуществилась детства. А еще он учится в институте - на программиста - закончил первый курс. У родителей денег не берет, а сам им помогает - такой он работяга.

М и т я. Работяга.

Л я л я. Да нет - он такой симпатичный и смешной мальчуган. Давайте я вас с ним познакомлю. Вам все сразу станет ясно и понятно.

М и т я. Ты с ним, ясно, трахалась, как кошка?!

Л я л я. Да ты что? Он даже ручку мне не целовал!

М и т я. А ты его целуешь в грудь на фотографии! А он в одних трусах и с голой грудью на губах твоих завис.

Л я л я. Ну, это же Килиманджаро, Митя!

М и т я. Чего-чего? Килиманджаро? Вот так вот, Дашенька, теперь все это харево модно называется в народе молодом - Килиманджаро.

Л я л я. Да нет - у Кили все Килиманджаро, если это просто хорошо по-человечески.

М и т я. Киля любит сэра Хэма, кто Эрнест Хемингуэй?

Л я л я. И Хэма он отлично любит - это точно.

М и т я. А девочек чужих он любит еще больше?

Л я л я. Да ну... Я же объясняю. Я ходила в магазин за покупками и у меня все руки были заняты. А когда я проходила, как всегда, мимо ларька с мороженым, потому что по пути, - мне захотелось еще, как всегда, мороженого - на десерт. Я и купила мороженое - несколько пакетиков, но рук-то у меня не десять, а Киля это увидел, что у меня не десять рук, что я вся нагружена и он сам сообразил поднять мороженое вверх в квартиру. И, конечно, он у меня взял помочь и еще одну сумочку - даже две. У себя в ларьке он повесил табличку, что вышел на пятнадцать минуток. И вот так вот получилось это все изображение.

М и т я. Почему так получилось, что Киля стоит, а потом лежит голый, а ты на нем целуешь, лёжа в грудь голую его?!

Л я л я. Я и рассказываю - это Килиманджаро. Когда мы зашли в подъезд, мы вызвали лифт и поехали на наш десятый этаж на лифте. Поднялись - двери лифта открылись и сначала вышла я - как женщина, а потом - Киля - как мужчина. Он очень джентльмен такой галантный. Да. Но Киля там чего-то зазевался из-за Килиманджаро, он сам обьснял - его двери лифта и защемили. И прямо вместе с пакетом, в котором было мороженое. И прямо все на груди это мороженое у него и раздавилось - получилось Килиманджаро - смешно было - просто жуть. Ну, естественно, его надо было потом раздеть, обмыть как следует в душе - дать чистую рубашку. Кстати, я дала ему твою рубашку, Митичка. А Киличка через два дня ее потом выстирал, высушил, выгладил и принес обратно - очень дисциплинированно.

М и т я. Ты его сама обмывала в душе?

Л я л я. Да нет - он простофиля Киля, конечно, но не до такой же вульгарной степени.

Д а ш а. Киля. Какое красивое имя. Он полностью, наверно, Николай, или Иннокентий?

Л я л я. Я не уточняла. Он Килиманджаро.

М и т я. Килиманджаро. Киллер. Уточним. Подайте мне сюда этого Килю!!!

Л я л я. Зачем сюда Килю?

М и т я. Мороженого хочется - немножко остудиться на десерт.

Л я л я. Ну, я могу за ним сходить.

М и т я. Чтоб ты успела обо всем договориться с ним? Не надо.

Л я л я. Да о чем с ним договариваться. Господи. Как вы все тут рехнулись, старики. Бизнесмены, режиссеры, актрисы с известными фамилиями. Вы же развращены до предела, а нам проповедуете мораль. Естественно - вы верите в разврат, который сами и создали и из которого вынуждены выплывать и мы - но не мешайте хоть самим нам иногда выныривать. Я жутко извиняюсь. Митя... Даша... Я так вам не хотела это все сказать. Вы же ведь такие сами умные. Хорошие. Мне нравиться. Я знала на что шла...

М и т я. Ля... Да... лечка... шенька...

Д а ш а. Родителей воспитывают дети - это хорошо... Хорошо что ты не плачешь.

Л я л я. У вас тут есть картошка?

Д а ш а. Зачем тебе картошка?

Л я л я. Потому что отсюда тоже можно из окна картошкой попасть по крыше Килькиного ларька с мороженым. Если точно прицелиться. Киля обязательно выйдет - у нас с ним такой условный сигнал.

М и т я. Условный сигнал?

Л я л я. Ну да. А что? Потом я ему крикну из окна и он принесет сюда мороженого нам на десерт после апельсинового сока. Сотового телефона у Кильки в ларьке с

мороженым нет. У них начальник по ларькам с мороженым такой попался совершенно отмороженный – не разрешает во время работы пользоваться мобильником – типа это бизнесу по продаже морожена мешает. А сам мальчик Киля очень гипер честный, прилежный, воспитанный и хороший. Он никого не воспитывает - можете на его счет не беспокоиться. Вот сейчас я от вас совершенно разбитая. Но придет Киля и я буду сразу веселая и добрая. Еще раз простите. Я сама во всем виновата. Митя плюс Даша... Ну, давайте же картошку.

Д а ш а. Сколько нужно картошки – Ляля плюс Киля?

Л я л я. Ну, это как попадешь. Обычно я с четырех картошек точно попадаю.

Д а ш а (*приносит из кухни четыре картофелины*). Пожалуйста - четыре клубневые штучки.

М и т я. А если попадешь в прохожего? Убьешь еще кого. Может я сам схожу за Килей?

Д а ш а. Митя, ты режиссер, а портишь весь спектакль. Чур, я первая бросаю.

Л я л я. Почему?

Д а ш а. Ну, я извиняюсь - моя квартира, моя картошка, я самая развратная - мне и карты в руки. (*Кидает в окно картошку.*) Попала! Ура-а!!! С первого раза попала. Теперь понятно почему в любви мне не везет.

Л я л я. Сейчас Килька из ларька выйдет. Дайте я ему крикну. Вот он сейчас удивится, что я не в том доме, а в этом. (*Кричит из окна.*) Киля!!! Я здесь!!! Привет, Киля!!! Ты можешь принести нам сюда четыре эскимо. Спасибо! Двенадцатый этаж. Квартира сто пятнадцать. Ждем.

Д а ш а. Все соседи будут знать, как мы любим эскимо.

Пауза.

Звонок в дверь.

Л я л я. Это Киля. Я открою. Можно?

Д а ш а. Бья сюр - как говорят французы.

Ляля открывает дверь, входит Киля.

К и л я. Здравствуйте - с Новым Годом! (*Раздает всем по эскимо.*)

Л я л я. Пожалуйста, Киличка, денюжка. (*Дает Киле деньги.*)

К и л я. Да ну, что вы - это так - презент.

Л я л я. Бери, бери, презент. (*Кладет деньги в карман его пиджака.*)

К и л я. Да - без денег сейчас в натуре стало точно швах - реально не компот.

Д а ш а. Когда без денег было компот и не швах? Какое прекрасное у вас имя - Киля. Это производное от какого имени?

К и л я. От Килиманджаро.

М и т я. Гора такая в Африке - снега Килиманджаро.

К и л я. Во-во - вулкан в Танзании. Пять тысяч восемьсот девяносто пять над уровнем мирового океана. Снега Килиманджаро - это точно.

Д а ш а. А вы-то тут при чем?

К и л я. Да я балдею просто от этой горы африканской с названием Килиманджаро - вот и все. Кайфую как Эрнест, который Хэм - который написал снега Килиманджаро. Чувак такой америкосец гениальный.

Д а ш а. Чувак америкосец гениальный точно.

К и л я. С Новым Годом, дамы-господа! *(Чмокает мороженое, будто целует его взасос и съедает кусочек.)* Килиманджаро, Новый Годик - кайф!

М и т я. Но какой же все же Новый Год? На дворе же лето.

К и л я. Здесь лето, а на Килиманджаро-то зима, Новый Год - кайф! *(Чмокает мороженое, будто целует его взасос и съедает кусочек.)*

Д а ш а. Кайф!!! *(Чмокает мороженое, будто целует его взасос и съедает кусочек.)* Хочу в Танзанию - на Килиманджаро!!!

К и л я. Кайф! Я тоже вот хочу. Вот денег накоплю - можно вместе и рвануть.

Д а ш а. Конечно вместе, Килличка, рванем! - Килиманджаро! *(Чмокает Килю.)*

К и л я. Какие духи! Какие светские женщины!

М и т я. Вы собираетесь стать программистом - Ляля сказала.

К и л я. А вы ее папа?

М и т я. Папа.

К и л я. Понимаете, папа, - подняться на Килиманджаро очень хочется, но совсем не просто. Поэтому каждый шаг наверх должен быть запрограммирован вниз. Поэтому сначала я учусь на программиста.

М и т я. Но было бы разумнее сначала в Вашем фанатично килиманджаровском случае выучится на альпиниста? Чтобы с горки не упасть.

К и л я. Я, папа, с детства, знаешь, альпинист. Мое хобби это – с самого рождения.

М и т я. Высоцкий научил всех подниматься в горы. И Хэм американец.

К и л я. Высоцкий – это Хэм поющий.

Д а ш а. Точно. Мы будем с тобой вдвоем вместе, Килличка, подниматься на Килиманджаро, слушать Высоцкого и читать гениального Хэма вдвоем. Так?

К и л я. Можно вдвоем, можно втроем, можно вчетвером - просто надо все запрограммировать заранее.

Д а ш а. А только вдвоем можно?

К и л я. Можно вдвоем - но все равно надо все запрограммировать заранее.

М и т я. Даша, ты чего так быстро? Вы что, знакомы с Килей тыщу лет?

Д а ш а. Мы тыщу лет знакомы с Килей по морожену! *(Обнимает Килю.)*

К и л я. Ну, морожено - оно, конечно, кайф - как Килиманджаро. Ну твой ротяро опосля рюмашечки - как Африка, Танзания пылает от жары. А ты мороженица в закус со снежком в ротяру - и гармония, и красота прохладная - как Килиманджаро снежный в Африке - и ох ты, Боже мой.

М и т я. Специалист - разносторонний. А что еще, Килиманджаро, ты делал в голом облаченьи с... доченькой моей?

Показывает Киле фотографии.

К и л я. А кто нас щелкнул? Ну и кайф - Килиманджаро - подарите фотокарточку на память. Можно?

Д а ш а. Берите. Пожалуйста - это сокровище ваше.

К и л я. Спасибо, блин! Ну каеф, блин – такой улётный Голливуд.

М и т я. Ты почему такой здесь в голом виде, Голливуд?

К и л я. Ну, бать - ну че ты такой наездной все серчаешь. Ну, запачкался мороженым я в лифте этом стрёмном вашем. Я Ленусе продукты поднес до хазы с мороженым там вместе. Ну, там чего-то про Килиманджаро призадумался, а двери лифта хватить и за грудки - и это не поэзия. О Килиманджаре думать можно не везде.

М и т я. На этой фотографии я вижу, как Лялечка, ну, то есть, просто Леночка, конечно, моя доченька - целует здесь тебя в самую что ни на есть твою оголенную килиманджарскую грудь.

Л я л я. Ну, морожено-то было все раздавлено по всей груди его, папа. И только на груди у Килички потом еще и осталось. А мне так захотелось его... Морожено...

К и л я. Ну да вот – точно у меня на грудях это морожено, как Килиманджаро, прилипло, папа. Щекотно так было. И когда морожено прилипло было щекотно. И когда Леночка ваша с груди моей морожено слизывала – тоже было классно щекотно. Это на фотографии уже ничего не осталось от Килиманджаро - морожено. Как оно морожено тут встало тогда на груди моей горою, как Килиманджаро и стоит. Ну, мне пришлось потом, конечно, даже лечь. А так бы все Килиманджаро просто бы упало в аут. И Ленуська ваша просто бы тогда не отсосала, папа, от Килиманджаро моего.

М и т я. И тебе приятно, значит, было Киля, то есть, блин, Килиманджаро, то есть, Киля, блин - когда Ляля, то есть Лена, то есть это на груди твоей сосала, блин, Килиманджаро? Или тебе не было приятно, туземец альпинист и программист?

К и л я. Не, ну, бать – ну, полизать Килиманджаро - это кайф - конкретно. Скажи ему, Ленок. Я сам бы у себя лизнул Килиманджаро - но как мне дотянуться до него. Переживаете вы, папа, очень зря. То, о чем вы думаете, папа - у меня с Ленусей не было и быть бы не могло. Я девственник, в натуре, папа.

Д а ш а. Ты девственник, в натуре, Киля?

К и л я. Я девственник, в натуре. Мама вы ее? Я так и понял сразу - похожи - будто снегири. А я вот, девственник-туземец-программист и альпинист, в натуре, до сих пор. Энергию все копим на Килиманджаро.

М и т я. Что значит девственник? Как может это быть? Я что-то ничего не понимаю.

Д а ш а. Не понимаешь - значит не дано понять - ты извратился совершенно, Митя, к сожаленью.

М и т я. Сколько ж лет тебе пробило, девственник?

К и л я. Семнадцать - немного - я только учусь.

М и т я. На девственника учишься? Ты развратник, но учишься на девственника?

Л я л я. Ну, он точно девственник, Митичка, мой папочка, конечно - Килиманджаро этот - я точно это знаю.

М и т я. Откуда знаешь? Его попробовала ты?

Д а ш а. Он девственник, Митяй - его попробовала я.

К и л я. Что-о?! Как?! Когда меня попробовали вы, гражданка, извиняюсь, мама?

Д а ш а. В воображении. Эскимо без палочки. Я что, не могу попробовать тебя в воображении? Какие вы все тут материальные люди вокруг собрались - помечтать нельзя, трусливые герои все в кусты. Фу-у. *(Встряхивает пальцы.)* Пришли, понимаешь, к даме. В которую стреляли. А еще называете себя Килиманджаро. Фу.

М и т я. Может и стреляли в тебя в воображении?

Д а ш а. Дактилоскопия не воображает, Митя - не мечтает.

К и л я. В вас стреляли? Боже мой. Когда и почему? И где? А кто? Из пистолета? Этого? *(Показывает на пистолет, лежащий на столике.)* Можно подержать?

Д а ш а *(берет пистолет, убирает его в тумбочку)*. Пока ты девственник - не надо прикасаться, Киля, к дьявольским вещам.

К и л я. Пристрелить бы мне когда-нибудь девственность свою.

Д а ш а. Ну, если ты не против - я могу лишить тебя твоей сказочной девственности и более гуманным способом – без пальбы. И подарить еще взамен волшебную любовь! Ты, Килиманджаро, этого желаешь?

К и л я. Я ж и говорю - это давно весьма желательно, конечно, - не выходит за рамки программы моей, а только очень сильно входит - откровенно скажу. В последнее время особенно. Если гуманно не лишусь девственности – взорвусь как

ядерная бомба. А вы с папой Лялечки-Леночки - Митей больше уже не живете семьей? Я, конечно, внедряюсь, но... Как друзья?

М и т я. Как Килиманджаро! *(Подходит к Даше, обнимает ее за талию.)*

К и л я. Тогда мою программу это нарушает. И я не зря спросил.

Л я л я. А мне можно совратить тебя, Килличка?

К и л я *(осматривается)*. Если очень хочется - то можно - даже нужно.

(Сглатывает слюну.) Если папочка и мамочка не против. В смысле, только за.

Д а ш а. Мы согласны с Лялечкою, Киля. В смысле только за.

К и л я. Ну, я тогда сейчас ларек с мороженым закрою до утра, Ленусь. И...

Л я л я. Тут же приходи ко мне, Килиманджаро! Я очень гуманная, килиманджарская девушка, Киля.

К и л я. О, мне бы только не взорваться до того... Приходить сюда, или туда? Где фотокарточки для Голливуда щелкают, - туда, в натуре, приходите?

М и т я. Где Килиманджаро она с твоей груди рубала - приходи туда.

Д а ш а. А Леночка там будет раньше.

К и л я. Тотальное Килиманджаро, блин, у вас в натуре здесь сплошное - каеф! Я быстренько сейчас, ларек с мороженым, Леночек, закрываю и поднимаюсь в лифте, как тогда с мороженым к тебе в Килиманджаро!!!

Л я л я. Я с тобой.

К и л я. В этом доме всем спокойной ночи, папа, мама – вы Килиманджаро!

Л я л я. Чао, предки - я люблю вас очень сильно. Вы меня простите, хорошо?

Киля и Ляля убегают.

М и т я. Мы тебя прощаем. Чао-чао.

Д а ш а. Спокойной ночи. Славные детишки. Лялечка плюс Киля. Пусть у них все будет хорошо.

М и т я. Ты пистолет взяла откуда, Даша?

Д а ш а. Из тумбочки. Тебе же я сказала. Убили человека. Я шла рядом. Киллер убежал. Но бросил пистолет свой на асфальт. Я его подобрала и положила в твою тумбочку с трусами и носками. Этот киллер был не ты, конечно, Митя. Но тогда мне показалось, что стрелял в меня любимый Митя мой. А с отпечаточками пальчиков твоих - все вранье и блеф. Если хочешь - ты меня прости.

М и т я. Я так тебя люблю... А ты?

Д а ш а. Митя-Митя - это наши годы.

М и т я. Прости меня, Килиманджаро. Я только от нее ребеночка хотел...

Д а ш а. Ты хороший... Мой Килиманджаро... *(Подходит к Мите и обнимает его.)*

Москва, 1998 – 2016 год